

УДК 82:393

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-50-60

Прагматика некролога: позиция автора

Кира А. Онипко

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, kirin.klik@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению речевого поведения жителей современного города в коммуникативном пространстве похоронно-поминального ритуала. В рамках статьи будет осуществлен анализ интервью авторов некрологов с точки зрения их включенности в социальное взаимодействие по поводу смерти какого-либо известного человека.

В статье будут даны ответы на вопросы относительно коммуникативной ситуации, в которой люди пользуются жанром некролога: кто и при каких обстоятельствах пишет некролог, какой при этом возникает образ предполагаемого адресата, какие установки и императивы стоят за конкретным высказыванием, какое коммуникативное намерение существует у автора, как некролог меняет социальную реальность.

В работе также ставится вопрос о профессиональном и личном подходе к написанию некролога, о контексте, который влияет на стиль высказывания, о невозможности выражения истинных целей и переживаний автора высказывания. Помимо этого, написание некролога рассматривается как часть особого типа скорби, осуществляемого через создание биографических текстов о покойном и вписывании фактов жизни покойного в индивидуальную судьбу автора некролога.

Ключевые слова: прагматика, некролог, автор, высказывание, коммуникативное намерение, опыт

Для цитирования: Онипко К.А. Прагматика некролога: позиция автора // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 50–60. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-50-60

Pragmatics of obituary. Author's position

Kira A. Onipko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

kirin.klik@gmail.com

Abstract. The article is concerned with the speech behavior of a modern city inhabitants in the communicative space of the burial-memorial ritual. In the article there is an analysis of the interviews with obituarists considered in terms of their inclusion in the social interaction regarding the death of a famous person. The article answers questions about the communicative situation in which people use the obituary genre: who and under what circumstances writes the obituary, what image of the intended addressee appears in this case, what attitudes and imperatives stand behind a particular utterance, what communicative intention drives the author, how an obituary changes social reality. The paper also raises the question of the professional and personal approach to writing an obituary, the context affecting the statement, the impossibility of expressing the author's real aims and experiences. In addition, the writing of the obituary is considered as a part of a special type of grief, carried out through the creation of biographical texts about the deceased and inscribing the facts of the deceased's life into the individual life fate of the obituary author.

Keywords: pragmatics, obituary, author, utterance, communicative intention, experience

For citation: Onipko KA. Pragmatics of obituary. Author's position. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;9:50-60. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-50-60

Введение

Под некрологом я понимаю письменное высказывание, которое наряду с другими словесными произведениями (такими как извещение о смерти, соболезнование, надгробная речь, поминальный тост и т. п.) оформляет смерть того или иного члена сообщества, переводя данное событие из факта индивидуальной, личной жизни в факт жизни социальной.

Мне как исследователю, занимающемуся проблемой высказывания, важно понимать, какие ценности, правила и нормы автора за

ним стоят, как это высказывание работает и как оно встраивается в повседневный опыт автора, в его жизненную практику.

Связь высказывания и жизненных практик логично рассматривать в контексте прагматики, изучающей «отношения между текстом и человеком» [1 с. 152]. С.Б. Адоньева применила прагматический подход к стереотипным формам поведения и речи. Адоньева рассматривает высказывание как социальное событие, преобразующее внутреннюю реальность его участников: по ее словам, «все участники события коммуникации объединены общей реальностью прозвучавшего слова» [2 с. 41].

К.А. Богданов, говоря об «антропологизации» и «социологизации» понимания контекста, отмечает, что изучение текста в свете языковой прагматики подразумевает смещение исследовательского внимания в сторону «комплекса внешних условий общения» и ответов на вопросы: «кто – кому – о чем – где – когда – почему – зачем – как?» [3 с. 20].

Я же, в свою очередь, хочу сосредоточиться на позиции автора некрологического высказывания, на том, чем он руководствуется при создании своего текста, и, шире, что происходит с ним самим, когда он высказывается по столь печальному поводу. Отвечать на поставленные вопросы я буду, опираясь на 10 тематических интервью (4 от мужчин и 6 от женщин, информанты 1967–1988 г. р.), взятых мною в Санкт-Петербурге, Москве и Красноярске. Среди информантов я могу выделить тех, для кого написание некрологов является рабочей, профессиональной необходимостью (корреспонденты, журналисты, новостные редакторы, пресс-секретари), и тех, кто написал некролог «по велению сердца»: своему коллеге, преподавателю, деловому партнеру, другу. Впрочем, иногда эти группы могут пересекаться. К примеру, моей информантке журналистке Анне (1984 г. р.) в 2016 г. пришлось написать два некролога: личный некролог (бывшему преподавателю кафедры, где Анна училась и какое-то время работала) и некролог «по работе» (доктору Елизавете Глинке).

Составление некролога как профессиональная обязанность

Наиболее подробно о журналистской практике составления некрологов рассказал мне информант по имени Иван (1985 г. р.), который когда-то работал в отделе «Культура» одного петербургского новостного агентства. Наверное, многие знают тот факт,

что журналисты заранее пишут некролог какой-либо знаменитой персоне, если известно, что она находится в тяжелом состоянии. По словам Ивана, отдел «Культура» любого новостного агентства работает на полную мощность именно в ситуации, когда умирает какой-то известный человек. Однако порой этот опыт – ожидания смерти и подготовки соответствующего текста – оказывается слишком тяжелым для журналиста:

У меня был приятель, коллега, который работал там же, где и я, до меня в том же агентстве, и он просто ушел, потому что он не вынес. На его беду случился инсульт у Аксёнова, и все, его обязали, от него требовали, чтобы он подкупал нянечек и сиделок в больнице, где он лежал, чтобы он звонил в семью, чтобы он звонил друзьям, спрашивал, там, о его состоянии три раза в день, чтобы он подкупил там кого-нибудь в больнице, чтобы «РИА Новости» узнали об этом первыми, о его смерти, и так далее. Это было противно, и он просто там вынес это на неделю, и просто рыдал – он не мог этого делать. <...> Он этого не вынес и уволился.

Сам Иван готовил некролог одной актрисе, когда стало известно, что она попала в хоспис:

Я просто там, условно говоря, настрочил некролог заранее, пока она жива еще была, обзвонил каких-то людей, осторожно у них там поспрашивал, что они о ней думают, и составил какую-то базу, и просто в день, когда она умерла, я выстрелил в течение часа, смог выплюнуть некролог, новость о том, что она умерла, там, с подтвержденным источником и так далее.

Здесь на себя обращает внимание такое определение собственной речевой деятельности, как «настрочил», «выстрелил», «выплюнул», обнаруживающее, с одной стороны, предельно профессиональный подход к составлению некрологов, а с другой – некоторую циничность, которая, по словам Ивана, является неотъемлемым качеством журналиста.

Для журналистов, как объяснил мне другой мой информант Андрей (1990 г. р.), некролог – это расширенная новость, в которой перечисляются заслуги и регалии умершего. Вначале следует сказать, что, собственно, случилось (кто умер, кем конкретно являлся этот человек, при каких обстоятельствах он умер), затем нужно дать краткую биографическую справку: возраст, происхождение, кем работал / где играл / где снимался / каковы были этапы его

политической карьеры, занимался ли благотворительностью или общественной деятельностью, сказать о родственниках, детях, внуках. Смерть, по мнению журналистов, – это инфоповод:

...всякий раз, когда я писал некролог, я писал его с единственной целью – напомнить о человеке лишний раз, ну как бы да, объяснить, кто это, тем, кто не знает, собственно, да, что это была за персона. Были случаи, когда я отказывался писать некрологи. Мне казалось, что это глупо, потому что все и так это знают, по этой причине я их и не писал, в данном случае, например, Балабанову. Все прекрасно помнят, кто такой Балабанов, все, что можно сделать, – это сообщить, что он умер.

Также некролог, по мнению журналистов, имеет вполне утилитарное назначение: некролог – это манок:

Некролог нужен затем, чтобы человек заглянул на этот сайт и посмотрел еще 500 материалов, которые там висят. Это то, что привлекает зрителей вообще к изданию.

За счет сообщений о смерти очень многие СМИ не то чтобы существуют, но *в том числе* существуют за счет сообщений о смерти, потому что это большой информационный повод, который позволит изданию оказаться в топе Яндекса.

Оба моих информанта-журналиста считают, что нельзя приносить в некрологи никакой оригинальности, нельзя как-то проявлять позицию автора:

Своего отношения к покойнику высказывать скорее всего не стоит. Ну нет, конечно, не стоит. Я думаю, я считаю, там... Этого всего не надо, ну как в принципе в любой новости. Вот часто еще в некрологе даются цитаты там, цитаты каких-то людей, знавших покойного, уважаемых людей, может быть, и просто его родственников, если там что-то случилось вот. Цитаты, они тоже вот, они могут выражать и отношение, как бы объективное, да, а не твое, они могут передать еще какие-то подробности и обстоятельства жизни...

О своеобразном устранении фигуры автора из текста некролога говорил еще один мой информант Алексей (1985 г. р.), в рабочие обязанности которого входит написание некрологов коллегам и вообще людям, с которыми он сталкивался по работе в правозащитной организации:

Некролог на сайт – без автора, и это важно, поскольку он выражает коллективное мнение. <...> Тексты пишутся во многом для общества. <...> Это коллективные слова, которые говорят те, кто не может прийти на похороны и поминки. Некрологи не подписывают. Моветон. <...> «Хороший некролог» – такой, который перепощивают и этим подтверждают его «коллективность».

Но при этом Алексей говорит о том, что каждый некролог, даже несмотря на свою краткость, должен быть индивидуален и должен стремиться передавать «суть человека», «дух человека», «его какие-то базовые качества», «сформировать образ человека». Информант серьезно подходит к своей профессиональной задаче и формулирует почти что афоризм: «Некролог – это то, что только раз в жизни».

Против «пластмассовости» и «растиражированности» некрологов выступает и другая моя информантка, журналистка Анна (1983 г. р.). Когда ей дали редакционное задание написать некролог доктору Лизе, как автор она поставила перед собой просветительскую задачу, она решила написать про то, что именно делала доктор Лиза. Для этого Анна добавляла цитаты из интервью с Елизаветой Глинкой, чтобы покойный как будто сам иллюстрировал свои поступки и убеждения. Кроме того, как автор, так и читатель некролога должны, по мнению журналистки, проделывать определенную эмоциональную работу:

Когда человек пишет некролог, он совершает эмоциональную работу, и я, как автор, получаю право говорить о смерти.

Родилась, жила, достигла, умерла – это формальность, потому что там нет ее позиции, нет эмоций... Нужно достичь эмоциональной отдачи от аудитории, и не потому, что это журналистский текст, а потому, что это смерть. Смерть должна взволновать.

Некролог как институциональный жанр: между интенцией и предписанием

Русский некролог часто бегует как институциональный жанр. Он определяет покойного как члена определенного профессионального сообщества, в нем перечисляются его профессиональные достижения и, как правило, он является выражением скорби коллектива целой организации. Такие некрологи нередко бывают

предельно формализованы и, на первый взгляд, не слишком интересны для анализа, однако иногда случается так, что текст оказывается включен в сложную сеть социальных взаимодействий и предписаний.

О функционировании некролога в жестко структурированной, сложно устроенной государственной организации мне рассказала сотрудница Главного управления МВД по Красноярскому краю (1967 г. р.). Некрологи сотрудникам МВД также могут считаться новостными высказываниями, с одной стороны, и выражением последней дани уважения – с другой. В случае, если при исполнении погибает относительно молодой, действующий сотрудник МВД, некролог – это лишь информация новостного характера, в которой будет указана, главным образом, причина его гибели и сообщена информация о прощании и похоронах. Практики лаудации¹ в данном случае возьмет на себя государство: наградит покойного посмертно (к примеру, орденом мужества), поддержит его родственников, вручит им награду, к которой он был посмертно представлен. Панирическую функцию некролог будет нести в том случае, если покойным окажется пенсионер, ветеран МВД. Тогда в некрологе будут подробно описывать его карьерный путь, отмечать самые важные вехи службы, самые лучшие личные качества.

Несмотря на это, некрологи МВД пишутся очень стандартизировано, а за основу берется личное дело покойного. Сотрудница, которой не раз доводилось писать траурные тексты, отмечает, что порой, несмотря на большой опыт составления подобных текстов, ей очень жалко героев некрологов, особенно если она знала их лично: «Любая смерть – горе, конечно, но когда вот погибший при исполнении, еще вот которого ты знаешь хорошо, то это вот, конечно, ну ужасно, тяжело писать».

Сотрудница Министерства культуры Красноярского края Дарья (1988 г. р.) также поделилась опытом составления некролога своему деловому партнеру и приятельнице. Дарья узнала о смерти своей знакомой, ее это глубоко тронуло, и она решила вместе со своими другими двумя коллегами написать какой-то текст по этому поводу:

Мы хотели почтить ее целеустремленность, потому что она была невероятной энергетикой человек, просто отдавала всю себя без остатка, и мы решили все это вспомнить. Можно сказать, что мы были очень впечатлены ее, ну, делами и ее качествами.

¹ Подробнее о практиках лаудации см. [4].

Во многом получившийся некролог был обусловлен тем, кто был его автором, и тем, где он вышел. Поскольку моя информантка и обе ее коллеги являлись сотрудницами Министерства культуры Красноярского края, а сам некролог они решили выложить на официальном сайте министерства, то в нем они не стали напрямую выражать собственные эмоции по поводу случившегося. Индивидуальности не было места в этом высказывании. Более личные соболезнования Дарья написала по смс коллегам покойной: «Написала, что мы их обнимаем и переживаем душой вместе с ними. И о том, что в самое сердце поразило меня это событие».

Несмотря на то что это подано было как новость коллегам, партнерам, читателям («просто сообщить о том, что такой человек был» – интенция, свойственная всем моим информантам), сама Дарья так определила свое коммуникативное намерение:

Хочется сказать ей: Марина Николаевна, я вас помню, спасибо, что вы в моей жизни были, за то, что вы в нее привнесли, что я смогла у вас чему-то научиться. Пока еще как будто на немножко задержать ее, что ли, здесь с нами в каком-то смысле... Или воплотить в этом некрологе то, что, может, хотелось когда-то сказать, но не вышло. <...> Мы не знали, что именно называется некрологом, мы просто хотели сообщить, что такой человек был, и выразить так ей свою любовь, наверное.

Некролог как личное высказывание

Английский социолог Тони Уолтер писал о том, что оставшиеся в живых обычно хотят говорить о покойном. По его мнению, цель скорби состоит в конструировании биографии, которая дает возможность живым интегрировать память об умершем в их продолжающуюся, длящуюся жизнь. Процесс, посредством которого это достигается, представляет собой разговор с другими людьми, знавшими покойного [5 с. 7]. Думается, что процесс написания некролога своему знакомому человеку также является частью скорби через конструирование рассказа об умершем. Уолтер считает, что именно подобные нарративы помогают живым справиться со смертью близкого или знакомого человека, вписать факт его смерти в собственную жизнь и в результате двигаться дальше как вместе с образом покойного, так и отдельно от него [5 с. 7].

В этом смысле интересным мне кажется опыт моей информантки – журналистки Анны (1983 г. р.), речь о которой уже шла выше в связи с написанием некролога доктору Лизе. Анне довелось

писать некролог своему преподавателю, у которого она училась в университете и который сыграл определенную роль в ее академической жизни.

Информантке было важно отказаться от перечисления сухих фактов – нужно было стремиться к тому, чтобы за некрологом стояло личное начало. Ей не хотелось использовать банальные фразы («решила обозначить, чем он являлся для всех для нас, мне важно было показать, как его любила группа», «важно было вспомнить его будничную работу, как он мне помог с моей научной работой, пока я была студенткой»). В итоге этим некрологом Анне хотелось проинформировать о смерти всеми уважаемого преподавателя своих разъехавшихся по всему миру одноклассников, а также напомнить самой себе, за что она благодарна этому человеку.

Другим важным опытом не составления, но перевода некролога подруге с русского на английский язык поделилась со мной информантка Мария (1987 г. р.). В интервью она призналась, что если бы пришлось именно сочинять, то она бы не справилась:

В эмоциональном смысле, если знал того, о ком некролог, это безумно сложно, я думаю. Ты пишешь и с каждым словом как бы заново воспроизводишь смерть – потому что, если бы не смерть, ты бы этого не писал. И в языковом смысле тоже очень сложно – какие слова ни возьми, они будут глухими и косноязычными, потому что их затертость и общеупотребительность никак не соответствует эмоционально экстремальной ситуации.

Важно отметить, что здесь Мария говорит о невозможности высказать свои истинные переживания и чувства не только с помощью жанровых средств некролога, но и словами в целом. Смерть, как писал Мишель де Серто, оказывается за пределами обычных практик, она невыразима: «О смерти так же трудно вести речь на своем собственном языке, как умереть “у себя дома”» [6 с. 316], но в то же время написание некролога, пересказ жизни умершего, разговор о нем оказываются очень важны:

Некролог пишется для человека, который умер (я верю в бессмертие души и исхожу из того, что она нас всех видела и знала, что мы делаем), чтобы сделать для нее все, что лично в моих силах, и вложиться как могу в то, чтобы все было правильно, для ее родителей, чтобы они могли прочесть это и понять, что мы ее очень любили, и для всех, кто это мог прочесть, чтобы как можно больше людей могло понять текст и знать, что она была.

Заключение

Итак, мы видим, что даже среди профессиональных авторов опыт составления некрологов может быть очень разным: от отстраненного, в чем-то циничного подхода к созданию текста до сложного эмоционального переживания смерти героя некролога. Пишущий может поставить перед собой задачу просто сообщить о том, что известный человек умер, может отказаться от написания текста, если, по его мнению, слова будут излишни, но также он может специально поставить себе цель просветить людей относительно того, кем являлся покойный, и добиться эмоционального отклика на его смерть. В некрологах покойный может характеризоваться с помощью привлечения свидетельств других известных людей, знавших его, с помощью цитат самого покойного или с помощью особых средств, которые помогут передать «суть и дух человека».

Между эмоциями автора некролога и стилем высказывания, между его намерениями и итоговым исполнением текста может существовать некий зазор. Жанры не существуют без людей, они пользуются ими со своей определенной целью, и в данном случае невозможно судить об интенции авторов некролога лишь по итоговому, часто формальному и клишированному тексту. Пишущий может оказаться «заложником» системы, порядка, норм и правил, принятых в том сообществе, от лица которого он выступает, а коммуникативное намерение, цель, его переживания в момент создания высказывания будут совершенно не явлены в получившемся тексте.

Личные некрологи могут быть адресованы широкому кругу лиц: самому покойному, его родителям, знакомым и вообще всем людям, которым доведется прочитать этот текст. И наконец, важным представляется тот момент, что своим некрологом автор обращается не только к «городу и миру», но и к самому себе, выполняя свой долг перед умершим и вписывая текст жизни покойного в текст собственной жизни.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 479 с.
2. *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2018. 335 с.
3. *Богданов К.А.* Антропология контекста: к истории «общепонятных понятий» в филологии // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 12–30.

4. *Veselova I.S.* Жесты публичной лаудации: доступы к благу // Комплекс Чебурашки, или Общество послушания: сборник статей / Под ред. И.С. Веселовой. СПб.: Пропповский центр, 2012. С. 11–49.
5. *Walter T.* A New Model of Grief: Bereavement and Biography // *Mortality*. 1996. Vol. 1. № 1. P. 7–25.
6. *Серто М., де* Неназываемое: умирать // Серто М., де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 313–323.

References

1. Lotman YM. Selected articles. Vol. 1. Tallin: Aleksandra Publ.; 1992. 479 p. (In Russ.)
2. Adonyeva SB. Pragmatics of Folklore. Sankt-Peterburg: Pal'mira Publ.; Moscow: Kniga po trebovaniyu Publ.; 2018. 335 p. (In Russ.)
3. Bogdanov KA. Context Anthropology. Toward the History of “Commonly Understandable Concepts” in Philology. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010;102:12-30. (In Russ.)
4. Veselova IS. Gestures of Public Laudation: Access to the Boon. V: Veselova IS., ed. *Cheburashka Complex, or the Society of Obedience*. Digest of articles. Sankt-Peterburg: Proppovskii tsentr Publ.; 2012. p. 11-49. (In Russ.)
5. Walter T. A New Model of Grief: Bereavement and Biography. *Mortality*. 1996; 1:7-25.
6. Certeau M. de. Unnamable: to wind up dead. Invention of the Everyday Life. 1. The Art of Doing. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ.; 2013. p. 313-23. (In Russ.)

Информация об авторе

Kira A. Onipko, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Россия, г. Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 7-9; kirin.klik@gmail.com

Information about the author

Kira A. Onipko, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Sankt-Peterburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russia; kirin.klik@gmail.com